

А.Ю. Шевяков

Институт социально-экономических
проблем народонаселения РАН,
Москва

Экономическое неравенство как результат кризиса

Острые социально-экономические диспропорции, низкая продолжительность жизни, смертность, почти двукратно превышающая рождаемость и более чем двукратно превышающая смертность в развитых странах, снижающийся средний уровень человеческого и социального капитала представляют серьезную угрозу социально-политической, экономической и демографической ситуации в стране, особенно в условиях развивающегося кризиса.

В основе сложившейся ситуации лежит несколько фундаментальных причин, которые не осознаются или не принимаются во внимание российским правительством при осуществлении социальной политики. Это прежде всего миф о том, что по мере экономического роста будут автоматически создаваться возможности для успешного решения социальных проблем и повышения уровня жизни большинства населения.

В результате – достижения в социальной сфере начинают оцениваться и подменяются экономическими показателями, а ориентирами для оценки успешности социальной политики и выработки мероприятий по решению социальных проблем служат в основном *среднестатистические показатели*, которые не только не дают реального представления о продолжающемся углубляться социально-экономическом неравенстве и бедности, о существе и глубине проблем деформации распределительных отношений, но более того, – дезориентируют.

Например, измерение бедности в России связано с прожиточным минимумом (ПМ). Выбор его значения достаточно субъективен, и поэтому снижение показателя бедности может говорить не о ее реальном уменьшении, а о неоправданном занижении правительством величины ПМ, отставании ее корректировки из-за роста цен и т.п. Идеология построения ПМ имеет свои корни в советской действительности, когда многие необходимые потребности население удовлетворяло через общественные фонды потребления и семья даже с низкими доходами имела бесплатный доступ к услугам здравоохранения, образования и отдыха. Сегодня ситуация изменилась, и за боль-

шинство услуг приходится платить. Однако многие аспекты жизни человека, например затраты на приобретение жилья, в прожиточном минимуме по-прежнему не представлены, и он является скорее уровнем выживания.

Если же говорить о показателях относительной бедности, которые используются в странах ЕС (как правило, 60% от медианного (среднего) уровня доходов), то численность относительно бедного населения России неуклонно продолжает расти. С точки зрения нормальной экономической логики (тем более логики социального государства) это представляется просто абсурдным и показывает, что деформация распределительных механизмов, связанная прежде всего с концентрацией доходов богатых, достигла такого уровня, когда нарушается даже естественная логика снижения бедности по мере экономического роста.

Случайно или нет, но показатель бедности и нормативы его снижения в планах правительства напрямую нигде не обозначены. Подтягивание к прожиточному минимуму таких показателей, как МРОТ, пенсия, пособие, заработная плата бюджетникам и т.п., призваны демонстрировать «серьезные» усилия правительства по решению проблемы бедности, однако в действительности влияние этих мероприятий на ее снижение незначительно.

Сегодня в России, несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов, продолжает нарастать социальная поляризация и концентрация ввиду форсированного роста самых высоких доходов и заработной платы. От реформ выиграли только 20% наиболее обеспеченного населения (9 и 10-я децильные группы). Группы населения со средними (близкими к медиане) доходами даже не восстановили тот уровень благосостояния, который они имели в 1990 г., а группы населения с самыми низкими доходами остались за чертой абсолютной бедности.

Особенно тревожно положение с детской бедностью. По *абсолютному* ее показателю (доход на ребенка ниже ПМ), детская бедность сегодня составляет 24%, а *относительная* (ниже 60% среднедушевого дохода) – 46% против бедности по всему населению РФ (13% и 34%,

соответственно), при средневропейской детской бедности в 6–8%. С каждым последующим деторождением семья погружается во все более глубокую бедность: относительная бедность полной семьи с одним ребенком – 42%; полной семьи с двумя детьми – 48%; полной семьи с тремя детьми – 55%. Во всех семейных разрезах масштабы детской бедности в России в 4–5 раз превышают средние по OECD показатели, а для Западной Европы – в 10 раз!

Проведенный анализ показывает, что существующие сегодня механизмы формирования и перераспределения доходов населения настроены и работают в пользу богатых, большая доля совокупного роста доходов уходит на рост доходов наиболее обеспеченных слоев населения, что позволяет им перетягивать на себя большую часть преимуществ от экономического роста.

В результате избыточное социально-экономическое неравенство и бедность в России достигли угрожающих величин. Коэффициент Джини давно превысил критический уровень 0,4 и приближается к отметке 0,5. В 1990 г. относительная граница бедности (ОГБ, 60% среднедушевого дохода) пролегла между среднедушевыми доходами 3 и 4-й децильных групп. В 2000-е годы ОГБ приблизилась к среднедушевому доходу в 6-й децильной группе, причем неравенство тем больше, чем выше экономический рост и богаче регион. Так, в Москве, где уровень доходов в 3 раза превышает средний по стране, неравенство почти в два с половиной раза выше среднероссийского: 42 против 17 в коэффициентах дифференциации в 2007 г.

Для эффективного социально-экономического и демографического роста доходы у большинства населения должны быть выше функциональных границ, ниже которых у людей возникают трудности по реализации своих репродуктивных желаний, поддержания здоровья и получения образования, а качество трудовых ресурсов общества и система стимулирования должны быть настроены на максимальное использование возможностей производительных сил общества. *Именно этому должны соответствовать уровень и распределение ресурсов для воспроизводства человеческого капитала и соответствующие распределительные механизмы.*

Системная роль социально-экономического неравенства в определении совокупных функциональных возможностей населения выражается в том, что при одних и тех же интегральных значениях фундаментальных

факторов (ресурсов) общий уровень осуществимости и доступности каждой из значимых для развития человеческого потенциала функций может варьироваться в широких пределах.

Несмотря на то что неравенство доходов по существу является определяющим для динамики социально-экономических факторов, оно почти всегда оставалось на периферии не только социальной политики, но и экономической теории. Ориентируясь в реальной политике на абсолютные показатели уровня жизни и связывая его повышение только с экономическим ростом и наличием ресурсов, российское правительство практически не принимает во внимание неравенство, которое даже не включено в перечень показателей, подлежащих мониторингу и управлению.

Вместе с тем анализ динамики его структурных компонент позволяет показать, насколько мощное обратное воздействие на экономическую и демографическую динамику оказывает социально-экономическая дифференциация населения, определяемая характером распределительных отношений. Количественная оценка эффектов взаимодействия социальных и экономических факторов позволяет утверждать, что факторы избыточного неравенства и высокой относительной бедности являются определяющими в объяснении динамики социально-экономических и демографических показателей. Выявленные статистические зависимости позволяют говорить об исключительной значимости фактора неравенства в российских условиях: при оптимальном перераспределении доходов, снижающим величину коэффициента дифференциации до 7–10, рост ВВП в период 2000–2007 гг. мог бы быть выше фактического на 30–50%, а при годовом росте реальных доходов на 10%, в принципе, можно было бы выйти на положительный естественный прирост населения в размере 3,3 промилле.

Существующие сегодня распределительные отношения и механизмы социальной поддержки населения не отвечают требованиям современного социального государства, ведут к дальнейшему расслоению общества, не обеспечивают для большинства населения не только комфортного, но даже во многом необходимого для полноценного воспроизводства человеческого капитала уровня жизни. *Снижение масштабов неравенства и бедности населения лежит не в плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения, а основная проблема социальной политики – это институциональные реформы.*

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.